

УЧЕНИЕ ОБ ОШИБОЧНОМ ПРИГОВОРЕ И СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ОШИБОК В ГЕРМАНИИ: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В НЕМЕЦКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ*

© Трофимик А. Г., 2021

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

В рамках исследования системы немецкого уголовного процесса выявлены основные теоретические характеристики немецкой парадигмы исправления судебных ошибок в уголовном судопроизводстве. Установлены существенные аспекты, составляющие основу учения об ошибочном приговоре. Сформулирован вывод о значении учения для формирования современной теории судебных ошибок в Германии. На основе комплексного исследования оригинальных немецких источников изложены основные научные подходы в учении об ошибочном приговоре и современной теории к исследованию судебных ошибок в Германии. Установлено влияние дискурсивной философии на теоретические представления об уголовном процессе. Установлено, что непосредственная практическая применимость данных теорий невелика, однако отмечается, что их важность состоит в том, что они с новой стороны раскрывают проблематику материальной истины в уголовном процессе, что нехарактерно для российских исследований в области судебных ошибок. Соответственно, по результатам анализа немецкой доктрины определено значение исследованных теоретических положений для установления истины по уголовному делу, а также показан прагматический, утилитарный немецкий подход к законодательному формулированию истины в уголовном процессе и ее значению. Показано законодательное выражение истины в уголовном судопроизводстве, и дана ее интерпретация. Подтверждена взаимосвязь между теоретическими положениями о материальной истине и теорией судебных ошибок. Сформулировано функциональное значение истины для теории и практики уголовного судопроизводства в Германии. Кроме того, дано определение понятия «судебная ошибка», характерное для немецкой теории. Выявлены признаки данного понятия. Определена фундаментальная пригодность немецкой догматики и теории для проведения сравнительно-правового исследования исправления судебных ошибок в России и Германии.

Ключевые слова: судебные ошибки, материальная истина, уголовный процесс Германии, ошибочные приговоры, эффективность правосудия.

Научные исследования, посвященные ошибочным приговорам, были особенно распространены в Германии в XIX в., однако не потеряли своей актуальности и в настоящее время. Пожалуй, наибольшее число значимых работ о судебных ошибках вышло в свет уже к 1965–1975 гг. Эти труды связаны с именами таких известных ученых-юристов ФРГ, как К. Петерс, М. Хиршберг.

В немецком юридическом языке учение, положившее начало глубоким, комплексным исследованиям в области судебных ошибок, можно обозначить *Fehlurteilsforschung* [28, s. 6; 26, s. 6–7].

Дословно термин переводится как «исследование неправильного (ошибочного) приговора». Он очень емко отражает основную, исторически

первую предметную направленность начальных проб научного поиска и анализа.

Fehlurteil в самом широком смысле означает приговор, основанный на судебной ошибке [16, s. 47; 23, s. 33]. Данное понятие стало основой в построении немецкой парадигмы судебных ошибок в уголовном процессе. Его формирование в немецкой догматике уголовного процесса прошло долгий исторический путь. Именно неправильные приговоры как своего рода принципиально недопустимые в правовом государстве результаты уголовного процесса, противоречащие принципу правовой определенности (*Rechtsbeständigkeit*) и целям материальной истины (*materielle Wahrheit*) и справедливости [15, s. 32–35], стали катализаторами, активизировавшими немецкое научное сообщество, и положили начало многочисленным исследова-

* Статья подготовлена при поддержке юридического факультета Университета Пассау (Германия).

ниям, связанным с проблемой неправомерного осуждения.

Впоследствии учение о *Fehlurteil* наряду с легальной концепцией правовых ошибок (*Rechtsfehler*), используемой в настоящий момент для кассационного производства (см., например, § 337 StPO), актуализировало теоретическое постижение судебных ошибок, в том числе в духе дискурсивной философии.

«Поскольку ошибочные приговоры – это своего рода патология уголовной юстиции, – писал крупный исследователь ошибок, правовед М. Хиршберг, – следует, что они могут сами стать предметом научного анализа» [13, s. 13].

Высокое значение исследования ошибочных приговоров для развития научной мысли в Германии обуславливается тем, что в работе М. Хиршберга можно обнаружить теоретическое осмысление проблем, связанных с поиском истины (*Wahrheitsforschung*), имеющим в немецком уголовном процессе особое значение, поскольку со второй половины XX в. на законодательном уровне на суд *ex officio* возлагается обязанность распространять свое исследование обстоятельств, пока не будет достигнута истина по делу.

Так, согласно § 244 II StPO¹ для исследования истины суд в силу должностного положения должен распространять судебное следствие *на все обстоятельства и доказательства, которые могут иметь значение для дела.*

Требование § 244 II УПК ФРГ о необходимости достижения истины по делу оказало и до сих пор оказывает колоссальное многогранное влияние на теорию судебных ошибок и механизм их выявления и устранения. Оно представлено в современном уголовно-процессуальном законе и как принцип (*Untersuchungsgrundsatz*), и как цель (*materielle Wahrheit*), и как обязанность суда (*Aufklärungspflicht*) [4, s. 2–8; 5, s. 513–517; 7, s. 5–6; 17, s. 411; 18, s. 361; 20, s. 23–26, 99–105; 9, s. 255–257; 27, s. 44–46; 29, s. 15–30].

М. Хиршберг, критикуя деятельность судов, допускающих ошибочные приговоры, поднимал проблему вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве, а также связи данных понятий с представлением об *истине* и ее значением в уголовном процессе [13, s. 71].

Основной заслугой М. Хиршберга в исторической перспективе можно признать то, что по существу в интердисциплинарном, комплексном исследовании ученого высказана идея, согласно которой *не философско-правовые вопросы должны являться предметом научного поиска, а проблема истины и ее поиска в уголовном про-*

цессе в прагматичной, рациональной плоскости [13, s. 84]. Это помимо прочего означает то, что истина в процессе *может* иметь утилитарный характер.

М. Хиршберг был убежден в том, что позиция Верховного суда Германского рейха о возможности вынесения судом обвинительного приговора при высокой доле вероятности виновности лица является необоснованной и противоречит смыслу уголовного судопроизводства [14, s. 225]. Самая глубокая, фундаментальная причина многих ошибочных приговоров – это именно вероятностные, гипотетические данные или даже фикция, использованные вместо достоверности, уверенности (*Gewissheit*) для вынесения приговора [13, s. 85–88].

Для научных исследований судебных ошибок и причин их совершения в Германии на самом высоком политическом уровне были предприняты меры по обеспечению ученых-юристов всем необходимым, включая помощь социологов.

Результатом такой правовой политики в сфере уголовного судопроизводства стало способствование появлению исследования, отраженного в трехтомнике *Fehlerquellen im Strafprozess* («Источники ошибок в уголовном процессе») К. Петерса [22].

Исследование К. Петерса еще в большей степени прагматизировало проблемы истины и качества исследования обстоятельств уголовного дела. По своему характеру и сформулированным выводам труд «Источники ошибок в уголовном процессе» сравним с фундаментальным отечественным исследованием «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок», проведенным почти в то же время Институтом государства и права Академии наук СССР [3].

По представлению К. Петерса, один и тот же приговор суда может быть как ошибочным, так и нет. Решающим при ответе на этот вопрос является доказательственный контекст. Например, когда по делу об убийстве по причине отсутствия доказательств должен быть вынесен оправдательный приговор, даже если подсудимый действительно совершил это преступление, оправдательный приговор не должен считаться ошибочным. Но если оправданный сознался в совершении им преступления, оправдательный приговор является ошибочным и должен быть пересмотрен, даже если признание было ложным [23, s. 33].

Теоретические положения К. Петерса об ошибочном приговоре нельзя назвать безупречными. По мнению ученого, приговор приобретает различную оценку с позиции его ошибочности в зависимости от самых разных факторов. По-

¹ Strafprozeßordnung in der letzten Fassung // BGBl. I. vom 25.09.1965. №. 54.

нятие *Fehlurteil*, сформированное К. Петерсом, весьма аморфно и не позволяет достаточным образом дифференцировать из всей массы приговоров именно ошибочные.

В случае с рассматриваемым подходом проблема также заключается и в том, что *Fehlurteil* полностью заслоняет собой понятие судебной ошибки. Допущенные судом нарушения перестают иметь значение для квалификации ошибочного приговора, поскольку в старой парадигме представлений о содержании этого понятия преимущественно рассматривается фактическая часть, которая может повлиять на пересмотр дела.

Смысловое ядро судебной ошибки согласно современным представлениям, наоборот, выражается в несоответствии действий суда *нормативным ожиданиям* [24, s. 74–75, 313–318; 6, s. 28, 115–121, 125, 185, 582].

К. Петерс признавал, что понятие «ошибочный приговор» очень абстрактно и понимается совершенно различно. Для целей собственного исследования ученый исходил из позиции узкой трактовки понятия, в соответствии с которой *Fehlurteil* имеет место лишь в том случае, когда приговор из-за признания невиновности по причине недостаточной обоснованности подозрения в совершении преступления (*Tatverdacht*) или из-за доказанной вины (*erwiesene Schuld*) должен быть отменен [23, s. 33].

Справедливости ради стоит отметить, что такое понимание способствовало известному ограничению, поскольку предметом непосредственного эмпирического исследования выступали лишь приговоры, которые могли быть пересмотрены по новым и вновь открывшимся обстоятельствам (*Wiederaufnahmeverfahren*).

В учении об ошибочном приговоре, базирующемся на приведенных научных работах, *Fehlurteil* рассматривается, скорее, как порочный результат судебной ошибки, ее последствие. Тем не менее значение самого учения нельзя переоценить для современной теории судебных ошибок.

Понятие «судебная ошибка» теперь лежит уже за рамками исследований об ошибочных приговорах, в которых вектор научного поиска был смещен в сторону криминалистики, правовой социологии, психологии. Используя немецкую терминологию и научные классификации, можно отнести первоначальные исследования в области вынесения неправильных решений и ошибочных приговоров к так называемой *Strafprozesslehre* [26, s. 8, Rn. 14–16], т. е. разделу науки уголовного процесса, посвященному исследованию явлений *реальной действительности*.

Современные теоретические труды тяготеют скорее к *Strafprozessrechtslehre* [26, s. 8, Rn. 14] как к учению об уголовно-процессуальном праве.

Последний из названных разделов основывается на научной типологизации и классификации, систематизации, конкретизации и интерпретации норм уголовно-процессуального права и не рассматривает фактические данности (*Gegebenheit*) уголовного процесса. Это строгая немецкая правовая догматика.

Современная теория судебных ошибок в немецком уголовном процессе служит иным целям, нежели тем, что связаны непосредственно с их предотвращением, как бы парадоксально это ни звучало.

Наибольшее значение приобретают теоретическое осмысление понятия «судебная ошибка», дифференциация «исцелимых» и «неисцелимых» ошибок, а также конструирование правового ответа судебным ошибкам, т. е. того, как должен выглядеть идеальный правовой механизм выявления и устранения судебных ошибок (особенно в апелляции и кассации).

Таким образом, основным для современного правопорядка становится вопрос: как должен реагировать уголовный процесс на отклонения в реализации нормативных требований? Основополагающий же вопрос, на который стремились ответить немецкие юристы 60–80-х гг., звучит совершенно иным образом: как предотвратить вынесение ошибочного приговора?

Различия подходов современного и прошедшего этапов заключаются не только в постановке и проблематизации, но и, соответственно, в методологии. Так, ответ на вопрос современной теории процессуальных ошибок осуществляется преимущественно с помощью юридического инструментария. Методы криминалистики, криминологии, юридической психологии, в отличие от юриспруденции 60–80-х гг., не являются в той же мере актуальными для построения нового теоретического знания, что и прежде. Это связано в том числе и с результативностью исследований об ошибочных приговорах, позволивших снизить число допускаемых ошибок.

Согласно современным представлениям необходимо обращать пристальное внимание на то, что действие (бездействие) субъектов уголовного процесса отклоняется от нормативного ожидания, основанного на законодательном формулировании. Хотя судебные ошибки покоятся, как правило, на отсутствии у субъекта достаточного знания, субъективная сторона ошибки не имеет значения для ее квалификации.

В этом отношении можно усмотреть фундаментальное различие с российскими представлениями: согласно немецкой теории судебная

ошибка может считаться совершенной *умышленно*. То есть речь может идти и о преступлении против правосудия.

Данное положение объясняется тем, что ошибка должна быть исправлена, поскольку возникает вопрос о несоответствии приговора или иного процессуального решения требованиям законности и обоснованности. Таким образом, понятие «судебная ошибка» опять-таки в Германии приобретает в большей степени утилитарный характер – в первую очередь она должна быть исправлена, чтобы цели уголовно-процесса могли быть достигнуты.

На основе сказанного про учение об ошибочном приговоре можно сделать следующие промежуточные выводы.

1) С учетом предметной направленности исследований процессуальных ошибок в уголовном судопроизводстве Германии можно выделить по меньшей мере два этапа – эмпирический (60–80-е гг. XX столетия) и современный – теоретический. Для первых исследований в области ошибок характерны интердисциплинарные и неюридические методы. Целью исследований было воспрепятствование постановлению неправильных приговоров путем анализа причин и факторов, приводящих к *Fehlurteil*.

На современном этапе возрастает значение теоретического осмысления судебных ошибок.

2) Новые исследования связаны с теоретическим осмыслением понятий «судебная ошибка», «правовой механизм устранения ошибок», проработкой системы контроля за уголовно-процессуальной деятельностью.

Абстрактно в немецкой юридической науке ошибку предлагается определять как известного рода отклонение действительного состояния от должного. В рамках современной парадигмы предлагается понимать судебную ошибку двояко:

– как определенную форму человеческого поведения, которое при этом можно объективно характеризовать как отклоняющееся от должного или привычного;

– как отклонение от нормативного ожидания, выраженное в деятельности независимо от возможности наступления последствий для процесса.

Из приведенных определений следует, что концептуально судебной ошибкой можно считать и умышленные противоправные действия.

Современная теория судебных ошибок хотя и основывается во многих аспектах на учении об ошибочном приговоре, тем не менее далека от него. Известное дистанцирование объясняется как развитием собственно юридической мысли, так и в особенности влиянием дискурсивной философии права (философии дискурса), пра-

вовой социологии, а также актуализацией фундаментального труда Дж. Гольдмита *Strafprozess als Rechtslage* [см. подробнее в источниках: 1, 2, 8, 11, 12, 21, 30].

Основным признаком влияния дискурсивной философии права и, соответственно, теории судебных ошибок в Германии является иной подход к проблематизации ошибок, при которой главным для уголовно-процессуальной науки становится вопрос о том, как реагировать на установленное отклонение от запрограммированного течения процесса [24, s. 103]. Из этого вытекает и осознание двух первоочередных потребностей: совершенствование системы контроля в процессе и построение максимально эффективного разветвленного механизма выявления и устранения судебных ошибок [24, s. 321].

Социолог Никлас Луман, оказавший существенное влияние на современную теорию судебных ошибок, говорит о судебном процессе, как о «дозволенном конфликте» [21, s. 96]. В основе его ликвидации в современном обществе лежит репрезентативный принцип. Это, в свою очередь, предполагает разрешение возникшего социального конфликта, основанного на противонаправленных интересах его участников, только *в рамках допустимой формы*.

Принимаемые судами решения должны *легитимизироваться* через процесс. Основной функцией уголовного процесса в этой связи должна выступать сама легитимация судебного решения, потому что оно как таковое, по мнению Н. Лумана, не напрямую следует из закона, а выносится на основе познания, осуществляемого судьей [6, s. 37–38]. Обоснование этому Н. Луман дал в труде *Legitimation durch Verfahren* – «Легитимация через процесс».

Под легитимацией судебных актов ученый-социолог предлагал понимать генерализированную готовность принять содержательно еще не сформированное решение в рамках определенных границ допущения [6, s. 30; 21, s. 28]. Где границы допущения, как правило, сводились бы к процессуальной форме и истине.

В истине Н. Луман видел особый социальный механизм, который интерсубъективно (всеобщее) порождал уверенность общества в правильности принятого судом решения [6, s. 84–85].

В этой связи доверие к процессу объясняется его общей направленностью на истину, но не в ее естественно-научном восприятии. Концепция истины в процессе должна быть такой, при которой конечный результат процесса будет удовлетворять всех участников коммуникации [22, s. 117–118].

Процесс рассмотрения и разрешения дела в современном мире заменяет или, лучше сказать,

олицетворяет собой универсальную истину, принимаемую всеми [19, s. 191–193; 21, s. 17–18, 23; 30].

Многие положения социологических исследований Н. Лумана были восприняты в юридической науке Германии. Например, с постулатом о приоритетном значении процесса для общества выступили авторы последних значимых работ по судебным ошибкам.

А. Попп на страницах своего исследования, со ссылкой в том числе и на других немецких ученых-юристов, отмечал, что необходимость принимать решение, выносить приговор только *посредством процесса* характеризует любое современное государство [24, s. 55].

Уголовный процесс подвержен влиянию различных факторов, способных исказить как суть отдельного принимаемого решения, так и в конечном счете процесса в целом [24, s. 28]. Поэтому с прикладных позиций необходимо как обеспечить резистентность процессуальной формы к внешним искажающим факторам, так и выработать эффективный механизм элиминации судебных ошибок.

Результат процесса детерминирован его течением: между этими понятиями проложена неразрывная взаимосвязь [6, s. 28]. С позиции доказывания должно быть собрано максимальное количество необходимых сведений, позволяющих перерасти в качество для вынесения законного и обоснованного приговора. Если возможности для познания в конкретном процессе существенно ограничены, то на помощь приходит принцип принятия решений *in dubio pro reo* [24, s. 73–75].

Конечно, сам уголовный процесс сконструирован таким образом, чтобы реализовывать материальное уголовное право. Законодательное формулирование принципов, общих правил следственных и судебных действий, положений о доказывании, о процессуальных гарантиях и правах участников не случайное. Оно предназначено для того, чтобы проложить путь к полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела, что в конечном счете обеспечивает достижение материальной истины.

Но что как ни само требование о достижении материальной истины по делу способно систематизировать, концентрировать, дисциплинировать и направлять уголовный процесс? Поэтому уголовно-процессуальное право Германии и отвечает такому представлению о должном, используя истину в тексте закона.

Как отмечается в немецкой научной литературе, безусловное соблюдение процесса всегда «пригодно» для того, чтобы обеспечить надле-

жащее качество исследования обстоятельств уголовного дела, на основе которых расследуется преступление и выносится наказание [24, s. 187]. Неукоснительное соблюдение процессуальных норм неизменно приводит уголовный процесс как деятельность к результату, однозначно воспринимаемому обществом как истинному и справедливому, иными словами, к законному и обоснованному приговору.

Исключением выступают те случаи, когда применение процессуального законоположения вызывает очевидные сомнения в силу сложившейся фактической ситуации или процессуального положения, если выразаться в духе теории Дж. Гольдмита [10, s. 253–267].

Соответственно, приоритетное значение формулирования уголовно-процессуального права – это по-прежнему одна из надежных и эффективных гарантий от судебных ошибок [24, s. 254].

Каким же образом должна быть построена система уголовного процесса для того, чтобы успешно противостоять различным проявлениям судебных ошибок?

В русле современной теории судебных ошибок в Германии ответ на поставленный выше вопрос дается в том числе на основе оценки влияния процессуальных максим и других нормативно-регулятивных средств. Так, по Риссу, процессуальные максимы – это руководящие принципы, которые в представлении правового сообщества способствуют достижению цели процесса [25, Rn. 1; 21, s. 101].

Самое важное в рассматриваемом отношении то, что по причине безмерного многообразия жизни далеко не все аспекты уголовно-процессуальной деятельности могут быть детально урегулированы. Это аксиома. Но конструирование нормативно-регулятивных средств высокого уровня абстракции – задача отнюдь не простая.

Важно, чтобы дескриптивные процессуальные максимы как систематизирующие, конституирующие основные процессуальные идеи имели законодательное отражение *de lege lata*. Они должны иметь непосредственное ориентирующее значение при интерпретации отдельных норм, а также оказывать в известной мере «программирующее» влияние на правовую политику [24, s. 103].

Судья в процессе принимает решение в своеобразном «открытом пространстве» (*Spielraum*), поэтому важно, чтобы он всегда держал в голове идею о необходимости достижения истины и своей ответственности за это [24, s. 136].

Требование к качеству исследования обстоятельств уголовного дела должно иметь непо-

средственное законодательное отражение. В противном случае утрачивается регулятивный потенциал. А. Пopp отчасти соглашается с этим, признавая, что при определенных условиях истина в процессе должна быть той самой регулятивной идеей для всей деятельности [24, с. 136].

В Германии к числу руководящих уголовно-процессуальных максим относятся принцип материальной истины (инструктивный принцип)¹, закрепленный в § 244 II StPO, и принцип свободной оценки доказательств, основанный на полном, всестороннем и исчерпывающем исследовании обстоятельств, который непосредственно отражен в § 261 StPO. Совместно § 244 II и § 261 StPO имеют синергетический эффект и служат фундаментальной основой для всей системы уголовного процесса Германии.

На основе изложенного в общем виде можно сформулировать, какие функции согласно современной немецкой процессуальной парадигме выполняет истина, в том числе как правовая конструкция:

– Принцип истины гарантирует *качество* исследования обстоятельств дела и, соответственно, законный и обоснованный результат процесса.

– Истина как конечная цель предопределяет правильную реализацию материального права, обеспечивает справедливое назначение наказания.

– Истина выступает интерпретационным и этическим основанием, отправной точкой для толкования.

– Истина играет роль ориентира для правовой политики.

Таким образом, истина как гарантированный результат, как заранее предопределенное качество уголовного процесса является первоочередной гарантией от совершения судебных ошибок в системе уголовного судопроизводства по современной теории ошибок в Германии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луман Н. Понятие общества // Проблемы теоретической социологии / под ред. А. О. Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994. С. 25–42.
2. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / пер. с нем. И. Д. Газиева; под ред. Н. А. Головина. СПб.: Наука, 2007. 648 с.
3. Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок: в 2 ч. / Авдеев М. И. [и др.]; отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1975. 298 с.
4. Beling E. Die Beweisverbote als Grenzen der Wahrheitserforschung im Strafprozess. 1903. 40 s.
5. Blau G. Beweisverbote als rechtsstaatliche Begrenzung der Aufklärungspflicht im Strafprozess // JURA. 1993. S. 513–521.

¹ Используемая терминология многообразна – Untersuchungsgrundsatz, Inquisitionsmaxime, Amtsaufklärungspflicht, Amtsermittlungsgrundsatz.

6. Börner R. Legitimation durch Strafverfahren: Die normative Kraft des Misstrauens. 1. Aufl. Duncker & Humblot, 2014. 627 s.

7. Eisenberg U. Beweisrecht StPO. 10. Aufl. C. H. Beck, 2017. 1269 s.

8. Gelter M., Grechenig K. Juristischer Diskurs und Rechtswökonomie // Journal für Rechtspolitik (JRP). 2007. № 15. S. 30–41.

9. Geppert K. Amtsaufklärungspflicht (§ 244 II StPO) und Aufklärungsrüge im Strafprozess // JURA. 2003. Band 25. Ausgabe. 4. S. 255–262.

10. Goldschmidt J. Der Prozess als Rechtslage. Eine Kritik des prozessualen Denkens / Neudruck der Ausgabe. Berlin, 1925 / Aalen: Scientia Verlag, 1962. 602 s.

11. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992. 704 s.

12. Habermas J. Wahrheitstheorien / Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt am Main, 1995. S. 127–186.

13. Hirschberg M. Das Fehlurteil im Strafprozess. Zur Pathologie der Rechtsprechung. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1960. 200 s.

14. Keller D. Die Todesstrafe in kritischer Sicht. Walter de Gruyter, 1968. 274 s.

15. Kindhäuser U. Strafprozessrecht. 4. Aufl. Nomos, 2016. 450 s.

16. Kleinknecht T. Das Fehlurteil im Strafprozess // Goldammer's Archiv für Strafrecht, 1961. S. 45–54.

17. Krauß D. Das Prinzip der materiellen Wahrheit im Strafprozeß / Festschrift Schaffstein. 1975. S. 411–431.

18. Kühne H.-H. Die Instrumentalisierung der Wahrheitsfindung im Strafverfahren // Goldammer's Archiv für Strafrecht. 2008. S. 361–375.

19. Larenz K. Methodenlehre der Rechtswissenschaft. Springer, 1992. 385 s.

20. Löffelmann M. Die normativen Grenzen Wahrheitserforschung im Strafverfahren. Berlin: Walter de Gruyter, 2008. 373 s.

21. Luhmann N. Legitimation durch Verfahren. 10. Aufl. Suhrkamp, 1983. 261 s.

22. Peters K. Fehlerquellen im Strafprozess. In 3 Bd. Karlsruhe: Müller, 1974.

23. Peters K. Fehlerquellen im Strafprozess. Bd. III. Karlsruhe: Müller, 1974. 195 s.

24. Popp A. Verfahrenstheoretische Grundlagen der Fehlerkorrektur im Strafverfahren.: eine Darstellung am Beispiel der Eingriffsmaßnahmen im Ermittlungsverfahren. 1. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2005. 523 s.

25. Rieß. Einl. Abschn. in: Löwe / Rosenberg. Kommentar zur StPO. 22. Aufl. 1218 s.

26. Roxin/Schünemann. Strafverfahrensrecht. 29. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2017. 576 s.

27. Schulenburg J. Das Verbot der vorweggenommenen Beweiswürdigung im Strafprozess. 1. Aufl. Duncker & Humblot, 2002. 291 s.

28. Sello E. Die Irrtümer der Strafjustiz und ihre Ursachen / Nachdr. der Ausg. Berlin 1911. Schifferstadt: Hoffmann, 2001. 492 s.

29. Stamp F. Wahrheit im Strafverfahren. Nomos, 1998. 298 s.

30. Wittreck F. Legitimation durch Verfahren in der Rechtswissenschaft // Herstellung und Darstellung von Entscheidungen: Verfahren, Verwalten und Verhandeln in der Vormoderne / hrsg. von Stollberg-Rilinger B., Krischer A. Berlin: Duncker & Humblot, 2010. S. 65–91.

REFERENCES

1. Luman N. Ponyatie obshchestva. *Problemy teoreticheskoi sotsiologii*. Pod. red. A.O. Boronoeva [The concept of society. Problems of theoretical

sociology. Under. ed. A.O. Boronoeva]. Saint-Petersburg, Petropolis, 1994. pp. 25-42. (in Russian)

2. Luman N. *Sotsialnye sistemy. Ocherk obshchei teorii*. Per. s nem. I.D. Gazieva, pod red. N.A. Golovina [Social systems. Essay on the General Theory. Per. with him. I.D. Gazieva; ed. N.A. Golovina]. Saint-Petersburg, Science, 2007. 648 p. (in Russian)

3. *Effektivnost' pravosudiya i problema ustraneniya sudebnykh oshibok v 2 ch.* Avdeev M.I. [i dr.], otv. red. V.N. Kudryatsev [The effectiveness of justice and the problem of eliminating judicial errors in 2 hours. Avdeev M.I. [and etc.], otv. red. V.N. Kudryatsev]. Moscow, 1975. 298 p. (in Russian)

4. Beling E. *Die Beweisverbote als Grenzen der Wahrheitserforschung im Strafprozess*. 1903. 40 s. (in German)

5. Blau G. Beweisverbote als rechtsstaatliche Begrenzung der Aufklärungspflicht im Strafprozess, *JURA*, 1993, s. 513-521. (in German)

6. Börner R. *Legitimation durch Strafverfahren: Die normative Kraft des Misstrauens*. 1. Aufl. Duncker & Humblot, 2014, 627 s. (in German)

7. Eisenberg U. *Beweisrecht StPO*. 10. Aufl. C.H. Beck, 2017. 1269 s. (in German)

8. Gelter M., Grechenig K. Juristischer Diskurs und Rechtsökonomie. *Journal für Rechtspolitik (JRP)*, 2007, no. 15, s. 30-41. (in German)

9. Geppert K. Amtsaufklärungspflicht (§ 244 II StPO) und Aufklärungsrüge im Strafprozess. *JURA*. 2003. Band 25. Ausgabe, 4, s. 255-262. (in German)

10. Goldschmidt J. *Der Prozess als Rechtslage. Eine Kritik des prozessualen Denkens* / Neudruck der Ausgabe. Berlin, 1925. Aalen, Scientia Verlag, 1962, 602 s. (in German)

11. Habermas J. *Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaats*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1992, 704 s. (in German)

12. Habermas J. *Wahrheitstheorien. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns*. Frankfurt am Main, 1995, s. 127-186. (in German)

13. Hirschberg M. *Das Fehlurteil im Strafprozess. Zur Pathologie der Rechtsprechung*. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 1960, 200 s. (in German)

14. Keller D. Die Todesstrafe in kritischer Sicht. Walter de Gruyter, 1968. 274 s. (in German)

15. Kindhäuser U. *Strafprozessrecht*. 4. Aufl. Nomos, 2016, 450 s. (in German)

16. Kleinknecht T. *Das Fehlurteil im Strafprozess*. *Goldammer's Archiv für Strafrecht*, 1961, s. 45-54. (in German)

17. Krauß D. *Das Prinzip der materiellen Wahrheit im Strafprozeß*. Festschrift Schaffstein. 1975, s. 411-431. (in German)

18. Kühne H.-H. *Die Instrumentalisierung der Wahrheitsfindung im Strafverfahren*. *Goldammer's Archiv für Strafrecht*, 2008, s. 361-375. (in German)

19. Larenz K. *Methodenlehre der Rechtswissenschaft*. Springer, 1992. 385 S. (in German)

20. Löffelmann M. *Die normativen Grenzen Wahrheitserforschung im Strafverfahren*. Berlin: Walter de Gruyter, 2008, 373 s. (in German)

21. Luhmann N. *Legitimation durch Verfahren*. 10. Aufl. Suhrkamp, 1983, 261 s. (in German)

22. Peters K. *Fehlerquellen im Strafprozess*. In 3 Bd. Karlsruhe, Müller, 1974. (in German)

23. Peters K. *Fehlerquellen im Strafprozess*. Bd. III. Karlsruhe, Müller, 1974, 195 s. (in German)

24. Popp A. *Verfahrenstheoretische Grundlagen der Fehlerkorrektur im Strafverfahren.: eine Darstellung am Beispiel der Eingriffsmaßnahmen im Ermittlungsverfahren*. 1. Aufl. Berlin, Duncker & Humblot, 2005, 523 s. (in German)

25. Rieß. Einl. Abschn. in: *Löwe. Rosenberg. Kommentar zur StPO*. 22. Aufl. 1218 s. (in German)

26. *Roxin/Schünemann. Strafverfahrensrecht*. 29. Aufl. München, Verlag C. H. Beck, 2017, 576 s. (in German)

27. Schulenburg J. *Das Verbot der vorweggenommenen Beweiswürdigung im Strafprozess*. 1. Aufl. Duncker & Humblot, 2002, 291 s. (in German)

28. Sello E. *Die Irrtümer der Strafjustiz und ihre Ursachen*. Nachdr. der Ausg. Berlin 1911. Schifferstadt, Hoffmann, 2001, 492 s. (in German)

29. Stamp F. *Wahrheit im Strafverfahren*. Nomos, 1998. 298 s. (in German)

30. Wittreck F. *Legitimation durch Verfahren in der Rechtswissenschaft. Herstellung und Darstellung von Entscheidungen: Verfahren, Verwalten und Verhandeln in der Vormodern*. hrsg. von Stollberg-Rilinger B., Krischer A. Berlin, Duncker & Humblot, 2010, s. 65-91. (in German)

The Doctrine of Erroneous Judgment and the Modern Theory of Miscarriages of Justice in Germany: General Characteristics and Their Significance for Establishing the Truth in German Criminal Proceedings

© Trofimik A. G., 2021

The research of the German criminal process reveals the main theoretical characteristics of theory of miscarriages of justice in German criminal procedure. The essential aspects of the doctrine of erroneous judgment are established. The conclusion about the significance of the doctrine of erroneous judgment for the modern theory of miscarriages of justice in Germany is formulated. Based on a comprehensive research of original German sources, the main provisions of the doctrine of erroneous judgment and the modern theory of miscarriages of justice in Germany are enunciated. The influence of discursive philosophy on theoretical ideas about criminal proceedings is established. The immediate practical applicability of these theories is rather low. In the author's opinion, their importance, among other things, is that the problematics of miscarriages of justice in Germany are closely related to the concept of truth in criminal proceedings, which is uncharacteristically of Russian research in the designated area. Based on the analysis of German doctrine, the significance of theoretical provisions for establishing the truth in a criminal procedure is determined. A pragmatic, utilitarian German approach to the legislative formulation of truth in criminal proceedings is represented. The legislative recognition and interpretation of the truth in criminal proceedings are expressed. The correlation between the theoretical provisions on material truth and the theory of miscarriages of justice is confirmed. As the result of the research the functional meaning of truth for the theory and practice of criminal proceedings in Germany is enunciated. In addition, the German theoretic definition of the concept of «miscarriage of justice» is given. Characteristic of this concept are identified. The significance of the scientific conclusions of this article consists in determining the fundamental suitability of German dogma and theory for a comparative legal research of miscarriages of justice in Russia and Germany.

Keywords: miscarriages of justice, material truth, criminal procedure of Germany, erroneous judgment, effectiveness of justice.